
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Москва)

**«НАДО ВЕРОВАТЬ В БОГА...»:
СВЯТОЧНЫЕ РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА**
(к 160-летию писателя)

Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России.

В январе 2020 года отмечается 160 лет со дня рождения Антона Павловича Чехова (1860—1904) — замечательного русского классика, в личности которого добропорядочность, мягкость и деликатность сочетались с мужеством и силой воли.

«Возмужалость» и «чувство личной свободы» писатель воспитывал в себе с ранней юности. Собственное нелегкое начало на заре жизни, когда гимназисту Антоше Чехову приходилось за гроши давать уроки купеческим детям, чтобы содержать не только себя, но и помогать родительской семье, обрисовал он впоследствии в письме к издателю А. С. Суворину 7 января 1889 года: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости. Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества,— напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Знаменательно, что ставшая знаменитой чеховская установка — выдавливать «из себя по каплям раба» — была сформулирована в Святочные дни, и звучит она в полном соответствии с евангельской заповедью свободы во Христе, освобождения человека от рабства, греха и от ига страха смерти. В послании святого апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, «дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «И избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2: 15); «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа» (Гал. 4: 7). Таким образом, событиями Рождества и Воскресения Христова утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом ни других людей, ни собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание.

Чеховское художественное творчество занимает особое место среди многообразия русской святочной словесности. Писатель много и увлеченно работал в святочном жанре и, следуя своему принципу «краткость — сестра таланта», нередко создавал настолько лаконичные произведения, что некоторые читатели и литературные критики упрекали его за крохотный объем рассказов — «меньше воробьиного носа». Это даже не рассказы в привычном жанровом отношении, а «вещицы», зарисовки, миниатюры.

Однако в сжатую до пределов форму художнику слова удавалось вместить чрезвычайно емкое содержание — глубокое исследование человеческой природы, русской жизни и социальных отношений. «Умею коротко говорить о длинных вещах», — так сам Чехов афористически характеризовал эту особенность своего писательского дарования.

С проницательностью опытного редактора Н. А. Лейкин, сознавая, что своим успехом у читателей его журнал «Осколки» во многом обязан Антоше Чехонте, сразу же оценил талант молодого автора. «Что Вам робеть? Вы писатель опытный и уже давно набили руку, — писал редактор «Осколков» двадцатитрехлетнему Чехову. — У Вас литературное чутье».

Также охотно публиковал чеховские рассказы журнал «Зритель». Его святочные выпуски за 1883 год почти целиком заполнены «вещицами» Чехова. Среди них — забавная зарисовка из мещанского быта **«Мошенники поневоле»**, которую автор снабдил иронически-выразительным подзаголовком *«новогодняя побрехушка»*; новогодний *«психологический этюд»* «Пережитое»; *«подновогодние картинки»* **«Гадальщики и гадальщицы»** («Зритель», 1883, № 1); святочный *«фантастический рассказ»* **«Кривое зеркало»**; *«юмореска»* **«Ряженные»** («Зритель», 1883, № 2).

Уже одни только подзаголовки этих святочных «вещиц» демонстрируют неистощимую жанровую изобретательность молодого автора, его стремление разнообразить привычный и, возможно, приевшийся читателю типичный святочный рассказ, выстроенный по устоявшимся канонам, в котором обычно все известно заранее. Новаторское творчество Чехова в традиционном жанре — в ряду немногих счастливых исключений. В основном так называемая массовая святочная литература повторяла из года в год один и тот же набор заезженных, давно отработанных мотивов и образов.

Но вот необычный поворот темы встречи Нового года и неизменно связываемых с ним надежд. В стихотворении **«Встреча»** за подписью В. Шуф показано свидание необыкновенных возлюбленных — Нового года и Надежды. Однако любимый здесь — это изменник, неверный обманщик-соблазнитель:

<...> Сердцу верится, как прежде...

Но, как Старый, в свой черед

Новый год солжет Надежде,

И обманет, и уйдет.

Подобный взгляд на будущее в преддверии Нового года высказывал молодой Чехов: «Все старо, все надоело и ждать нечего <...> Канальи останутся канальями, барышники останутся барышниками. Кто брал взятки, тот и в этом году не будет против благодарности...» («Осколки», 1884, № 1).

В юмористической прессе и Старый, и Новый год, обманувшие возлагаемые на них надежды, выступают обвиняемыми, подсудимыми. В том же ключе, используя форму и стилистику юридических документов, молодой Чехов составил **«Завещание старого, 1883 года»** и **«Контракт 1884 года с Человечеством»**:

«Тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, января 1 дня, мы, нижеподписавшиеся, Человечество, с одной стороны, и Новый 1884 год — с другой, заключили между собой договор, по которому:

- 1). Я, Человечество, обязуюсь встретить и проводить Новый 1884 год с шампанским, визитами, скандалами и протоколами.
- 2). Обязуюсь назвать его именем все имеющиеся на Земном шаре календари.
- 3). Обязуюсь возлагать на него великие надежды.
- 4). Я, Новый 1884 год, обязуюсь не оправдать этих надежд <...>
 Нотариус: Человек без селезенки. М.П.»*.

Особенно ощутима в святочном творчестве Чехова поэтика театра марионеток, кукольной комедии, стилистика райка, вертепа, святочных игрищ. Художественный мир чеховских рассказов — при всей его кажущейся обыденности — ироничный и парадоксальный, полный «сюрпризов и внезапностей», непредвиденных метаморфоз, маскированных «ряженных» персонажей...

Чеховские новогодние «вещицы» населяет целая толпа «ряженных». Этот традиционный для русской святочной словесности образ выносится в заглавие, объединяя серии сенок и зарисовок, которые заполнили январский номер журнала «Зритель» за 1883 год. А в 1886 году в новогоднем номере «Петербургской газеты» под пером Чехова появляется новый сюжетный ряд под тем же названием — «**Ряженные**».

Писатель переосмысливает зимний праздничный обычай ряжения — костюмированного веселого розыгрыша. В чеховских миниатюрах новогодний маскарад открывается своим внутренним планом — неприглядным, уродливым, гротескным.

Так, герой одной из сенок — адвокат — страстно защищает в суде невинную женщину: «Глаза адвоката горят, щеки его пылают, в голосе слышны слезы. Он страдает за подсудимую, и если ее обвинят, он умрет с горя!..» (С2, 8). «Он поэт», — шепчут зрители. Но экзальтированные чувства, возвышенный пыл его речи имеют вовсе не поэтическую, а самую тривиальную корыстную подоплеку: «Дай мне истец сотней больше, я упек бы ее! — думает он.— В роли обвинителя я был бы эффективней!» (С2, 8). **Недаром говорят в русском народе о продажных юристах — горезащитниках: «Аблакат (адвокат) — нанятая совесть».**

В другом сюжете «пьяное умиление» деревенского мужичонки, который все время приплясывает и «визжит на гармонике», — тоже маска. «Ему весело живется, не правда ли? Нет, он ряженный. «Жрать хочется», — думает он» (С2, 8).

Писатель убеждает не верить бутафорской внешности, позе и в доказательство снимает маски со своих персонажей, открывая их сокровенные мысли. В этой серии рассказов не только автор делает выводы, но и его герои, устраняя самообман, выносят себе приговор: «Я ряженный. Наедет ревизор, и все узнают, что я только ряженный!..» (С2, 8); «Я ряженная, — думает нарядно одетая барыня. — <...> Завтра или послезавтра барон сойдется с Nadine и снимет с меня все это...» (С2, 7).

Не правда ли, не раз в жизни мы встречали подкупленных адвокатов с подобной юридической шайкой, чиновников-расхитителей казны, воров-коррупционеров, продажных содержанок и прочих ряженных персонажей, прикрытых благопристойной личиной, хотя на каждом из них словно висит ярлык с ценой...

Есть в чеховском цикле и настоящие ряженные — зарисовка любимого народного развлечения на зимних праздниках. Однако под пером писателя это отнюдь не сезонно-бытовой эпизод. На «маленького солдатика в старой шинелишке» набрасывается унтер: «Ты отчего же мне чести не отдаешь? <...> А? Почему? Постой! Который ты это? Зачем?»

— Миленький, да ведь мы ряженные! — говорит бабьим голосом солдатик, и толпа вместе с унтером закатывается звонким смехом...» (С2, 7)

* Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М.: Наука, 1974—1988.— Сочинения. — Т. 2.— С. 306. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страниц арабскими цифрами. Литерами С и П обозначены Сочинения и Письма.

Эта крохотная сценка наполнена актуально-общественным смыслом, отражает «время и нравы». В косноязычных выкриках охранителя власти слышится другой чеховский унтер — Пришибеев — зловещий символ кабального угнетения и подавления личности в деспотическом государстве.

Так, в миниатюрных зарисовках, призванных, на первый взгляд, всего лишь развлечь и позабавить читателя юмористических журналов, Чехов изобличает черты социального зла, несправедливо устроенного общества, искаженной грехом человеческой природы: всеобщую продажность, ложь, позерство, лицемерие. Мы видим даже «храм ряженный» (С2, 8). Здесь «ряжение» — то же, что приспособленчество, «хамелеонство», бесовство.

Чеховская выставка «ряженных» 1886 года очень напоминает «население» **«Невского проспекта»** Н. В. Гоголя: «О, не верьте этому Невскому проспекту! <...> Все обман, все мечта, все не то, чем кажется! <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект»*. В сходном стилистическом ключе: «Выходите на улицу и глядите на ряженных» (С4, 276) — Чехов нашел оригинальный поворот темы, показал гротескное ряжение наоборот, шиворот-навыворот: не люди оделись в маскарадные костюмы, а звери вырядились людьми, маскируя свою хищную, животную, бездуховную и безбожную сущность. «Вот солидно, подняв с достоинством голову, шагает что-то, нарядившееся человеком. Это «что-то» толсто, обрюзгло и плешиво <...> Говорит оно чепуху <...> Это — свинья» (С4, 276). В «нарядившемся рецензентом» «по бесшабашному лаю, хватанию за икры, скаленью зубов нетрудно узнать <...> цепного пса» (С4, 277).

В этом перевернутом мире «закройщик модной мастерской» вырядился драматургом. Рядом стоят талант, загримировавшийся забулдыгой, и бездарный позер, «нарядившийся талантом» (С4, 277). Вот пробегает «лисица». Мчится в роскошных санях «чертова перечница» в костюме «дамы-благотворительницы». Из 1013 рублей 43 коп., собранных «для страждущего человечества», бедные получают только 43 копейки, остальное пойдет на расходы по благотворению» (С4, 276).

Чехов не просто раздвигает устоявшиеся жанровые рамки новогоднего рассказа, он иронизирует над самой праздничной традицией, превратившейся в бессмысленный и бездуховный обряд: новогодние поздравления-«приневоливания», выматывающие визиты, гости, неприменный бокал шампанского и т.п.

Погружаясь в суету сует, забывая о Боге, человек превращается в пустую оболочку. Но, как известно, свято место пусто не бывает. Если душа не наполнена жизнью по Божьим заповедям, ее вмиг заполняют иные существа, через суету ведущие в ад, погибель и тлен. Именно образ ада и его обитателей с высунутыми языками и вытаращенными глазами рисуется у Чехова взамен традиционно умильного зрелища зимних праздников: «На улицах картина ада в золотой раме... Если бы не праздничное выражение на лицах дворников и городских, то можно было бы подумать, что к столице подступает неприятель. Взад и вперед, с треском и шумом снуют парадные сани и кареты... На тротуарах, высунув языки и тараща глаза, бегут визитеры...» (С4, 279). А затем ошалевших визитеров — «новогодних великомучеников», которые падают прямо на улицах «без гласа и воздыхания», городские толпами свозят в полицейский приемный покой, где те постепенно приходят в себя.

На ту же тему **«Старая история... на новый лад»:**

«— Извозчик!

— Куда прикажете?

— <...> Что за черт! До того умаялся с визитами, что даже позабыл, где сам живу!.. Вези меня в адресный стол, там справлюсь...»

* Гоголь Н. В. Петербургские повести. Вечера на хуторе близ Диканьки.— М., 2007.— С. 80.

Хорошо всем нам знакомая предновогодняя суматоха и толкотня в современном обществе потребления достигает своего апогея. **Уже за месяц до наступления Нового года по всем подвластным каналам преднамеренно запускается одурманивающая программа всеобщей «мобилизации» — подготовки к празднику.** Навязчивая реклама день и ночь назойливо призывает запастись подарками и продуктами, шампанским и елками, игрушками и хлопушками, прочими безделушками. Особая доходная статья предновогодней «торговой кабалы» — так называемые «символы года» в виде обезьянок, мышек, хрюшек или других зверюшек. Ополумевшие потребители снуют и носятся между прилавками и витринами буквально, как в рассказе Чехова, «высунув языки и тараща глаза». И вся эта «картина ада в золотой раме» разворачивается в течение Рождественского поста — времени, когда требуется особая духовная сосредоточенность, призванная уводить от мирской суеты и сутолоки.

Неудивительно, что неперенная для святочного жанра хвала Новому году в устах чеховских героев нередко обращается в хулу. В рассказе **«Шампанское»** Чехов пишет: «при встрече Нового года с бокалами в руках кричат ему «ура» в полной уверенности, что ровно через двенадцать месяцев дадут этому году по шее и начихают ему на голову» (С4, 282). Героя святочного рассказа **«Ночь на кладбище»** в новогоднюю ночь вместо радостных мыслей и чувств переполняют горестные раздумья: «Радоваться такой чепухе, как Новый год, по моему мнению, нелепо и недостойно человеческого разума. Новый год — такая же дрянь, как и старый, с тою только разницею, что старый год был плох, а новый всегда бывает хуже... По-моему, при встрече Нового года нужно не радоваться, а страдать, плакать, покушаться на самоубийство. Не надо забывать, что чем новее год, тем ближе к смерти, тем обширнее плешь, извилистее морщины, старее жена, больше ребят, меньше денег» (С4, 293).

Стихия чеховского смеха, как и у Гоголя, вбирает в себя не только веселую шутку, но и сатиру, сарказм, гротеск. По-гоголевски **«невидимые миру слезы»** проливает борец со всякой пошлостью Чехов в сердце своем, рисуя «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь»: «Жизнь — канитель <...> Пустое, бесцветное прозябание... мираж... Дни идут за днями, годы за годами, а ты все такая же скотина, как и был... Пройдут еще годы, а ты останешься все тем же Иваном Ивановичем, выпивающим, закусывающим, спящим... В конце концов закопают тебя, болвана, в могилу, поедят на твой счет поминальных блинов и скажут: хороший был человек, но жалко, подлец, мало денег оставил!..» (С4, 294)

В «тине мелочей», болотной жиже неприглядно-пустого и пошлого прозябания барахтается и вязнет, захлебывается и тонет человек, пока не опомнится и не обратится с молитвой о спасении к Богу: *«Спаси меня, Боже; ибо воды дошли до души моей. Я погряз в глубоком болоте и не на чем стать. <...> Извлеки меня из тины, чтобы не погрязнуть мне»* (Пс. 68: 2—3, 15).

И все же, несмотря на страдание от несовершенства несправедливо устроенной жизни, Чехов, испытывая острую тоску по идеалу, сохранил поэтическое ощущение русской зимней сказочности праздника Рождества Христова. **«Поздравляю Вас с Рождеством, — обращался он в письме к Д.В. Григоровичу в 1888 году. — Поэтический праздник. Жаль только, что на Руси народ беден и голоден, а то бы этот праздник с его снегом, белыми деревьями и морозом был бы <...> самым красивым временем года. Это время когда, кажется, что сам Бог ездит на санях»** (ПЗ, 102).

Эти размышления о красоте Божьего мира гармонируют с сокровенным чеховским убеждением, воплотившимся в известном афоризме, о том, что и «в человеке все должно быть прекрасно».

В. С. Миролубову Чехов писал: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...» (П10, 142).

Евгений Асташкин
(г. Омск)

НАВЕЯННОЕ ЧТЕНИЕМ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»*

Журналист. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», альманахах и журнала «Истоки», «Муза» (Москва), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Невский альманах», «Приокские зори» (Тула), «Нива» (Целиноград), «Складчина», «Литературный Омск», «Тарские ворота», «Иртыш-Омь» (Омск), «День и ночь» (Красноярск). Член Союза российских писателей. Автор 18 книг. Зам редактора альманаха «Тарские ворота». Дипломант конкурса «Лучший рассказ XXI века» Омского отделения СРП и Министерства культуры, шорт-лист международного фестиваля «Центр Европы — 2018», лонг-лист международной литературной премии «Чистая книга» им. Федора Абрамова (2019).

Сам от себя не ожидал, что в последних номерах всероссийского литературного журнала «Приокские зори» меня в первую очередь заинтересуют статьи к юбилеям классиков словесности, выходящие из-под пера главного редактора Алексея Яшина. Сначала предполагал пробежать их по диагонали, но завяз — они явно выходят за рамки разговора — хлесткие, с привязкой к реалиям сегодняшнего дня. Д. Оруэлл, А. К. Толстой, Г. Маркес, М. Горький, Л. Толстой.

Интересно было сопоставить чье-то прочтение с собственным восприятием и попутно почерпнуть что-то дополнительно для себя, хотя бы о приемах когнитивности.

Помню, в книжном магазине нашего райцентра, где я тогда жил, по случаю приобрел последние тома ПСС Горького, не выкупленные подписчиком. Единым духом прочитал всего «Клима Самгина», а потом, бывая в крупных городах, заглядывал в «Букинист» или на черный рынок в поисках недостающих томов. Каждое приобретение воспринимал как праздник. Для того, чтобы скомпоновать все эти 25 коричневых томов, потратил без преувеличения четверть века.

В школе всем до оскомины вдалбливали напыщенные слова о «буревестнике революции», а пролетарский писатель оказался удивительно многогранным, полифоническим. Сильно разбрасывался своим талантом, отчего остались многие вещи незавершенными. Такие знатоки человеческих душ не каждый день встречаются. Поражают даже его периферийные вещи — литературные портреты. Каждый их герой с громким именем словно просвечен рентгеном. Недаром Лев Толстой даже побаивался молодого окаяющего автора, обронив, что у того «душа соглядатая». Наверное, ничто не могло укрыться от пронизательного глаза этого самородка — и великое, и курьезное. Думается, что Горький до сих пор изрядно недооценен — слишком широк диапазоном. Особняком стоит его цикл крупных рассказов 1922—24 годов: «От-

* Тарские ворота — выпуск 8 — 2018—2019. — С. 439.

шельник», «Карамора», «Репетиция»... Это какая-то новая литература, тоже «несвоевременная». Не удивился, узнав из примечаний, что этот сборник рассказов был прохладно принят критикой тех лет, хотя он и «обещал быть вкусным».

Разыскивал я и дополнительные 15 томов с письмами и вариантами, но удалось полистать всего два тома. Тиражи этого приложения совсем крохотные, даже в крупных библиотеках не удалось полюбоваться всеми сорока томами в сборе уникального издания. Не так давно появилось новое жизнеописание Максима Горького — том из серии «Жизнь замечательных людей» известного критика Павла Басинского. Обнаружилось много чего интересного, в новом свете представляющего нашего классика соцреализма. Меня и раньше посещала смутная догадка, что этот босяк, намотавший по России сотни километров пешком, на поверку слишком интеллектуальной, не бродяжнической души. Какое-то необъяснимое противоречие. Исследователь тоже это почувствовал. Оказалось, что дед Каширин, судя по хрестоматийной повести о детстве бестрепетно отправивший подростка «в люди», был не таким уж обедневшим и вполне мог помогать своему отпрыску. Правда, на мой взгляд, несколько утяжелили документальную книгу постоянные взывания к христианским ценностям — в укор порою слишком своевольному писателю. Ну уж таким он был, а сослагательного наклонения история не приемлет.

Попутно, как библиофил со стажем, хочу пару слов сказать о еще одном открытом для себя авторе, современнике Горького, хотя ему вряд ли будут в нашей прессе посвящаться юбилейные статьи.

Как-то мне уже в перестроечные годы привезли домой целую машину книг — их владелица переезжала за границу. Среди разноробя обнаружилась любопытная вещица 1960 года издания. Сборник рассказов «Анаконда» уругвайского писателя Орасио Кируги. Это представитель «креольского реализма». В те годы умели очень тепло издавать — каждый рассказ или главак предварялись изящным рисунком в стиле минимализма.

Сам автор оказался тоже большим оригиналом — удалился с семьей в джунгли, где надо было вести ежедневную борьбу за существование. Примитивное бунгало, пропитание исключительно возделанным и добытым собственными руками. Дети тоже должны расти Тарзанами, уметь забираться за плодами на вершину пальмы. Не выдержав таких испытаний, покончила с собой жена, оставив писателя с двумя малолетками. Вторая жена тоже покинула его, хотя обитали они уже в городе. Вообще злой рок упорно преследовал семью Кируги. Отца случайно застрелили из ружья, сам он из-за неизлечимой болезни и отсутствия пенсии тоже добровольно ушел из жизни. В дальнейшем и его сын поступил аналогично.

Творчество Кируги меня, довольно-таки начитанного, притянуло не только ювелирным мастерством, но и какой-то редкой душевностью. Этаким эталон рассказа с экзотическим флером. Книга стала одной из самых любимых в моей библиотеке. Попутно поделюсь тем, что я обнаружил, довольно часто бывая по объявлениям в разных квартирах — в поисках очередных раритетов. Неприятнейшее открытие. На полках ни одной книги шестидесятых годов, словно их ветром сдуло! Неужели все сдано на макулатуру из-за нехватки жилого пространства в наших пресловутых «хрущевках», самом распространенном жилище? Даже из семидесятых годов почти ничего не встретишь, за исключением подписок. Только перестроечные детективы, фэнтези, да любовные романы. Поищешь на «Озоне» — тот же результат. Очень долго надо караулить счастливый случай.

Вымыт из обихода целый пласт полиграфической культуры. Причем это делалось не по принуждению, а вполне себе добровольно. Поколение «недолайков» тотально стремится избавиться от всего бумажного — самому доводилось видеть в мусорных

баках не только целые подшивки «Крокодила» или «Огонька» пятидесятилетней давности, но даже альбомы с фотографиями предков. Может, из этого что-то и оцифровано, но не стоит забывать, что очередной хитроумный троян может за один миг уничтожить все, сброшенное на накопитель. Из интернета выкопал, что Кирогу в наше время несколько раз издавали, но это очень куцые книги, какие-то оборыши. «Сказки сельвы» для детей — крупным шрифтом растянута на сотню страниц паратройка рассказов, с аляповатыми иллюстрациями. Видимо, издатели посчитали, что все остальное явный «неформат» и будет скверно продаваться. А ведь у Кироги есть еще много другого, никогда не издававшегося у нас, в том числе пьесы, роман «Прежняя любовь». По обмолвкам в критических статьях узнал, что у уругвайца все остальное подано в слишком пессимистических тонах. Такое у нас действительно не любили пропагандировать. У меня даже промелькнула мысль: самому найти тексты писателя в оригинале и воспользоваться электронным переводчиком. Но он пока еще слишком несовершенен — получается какая-то абракадабра: без склонений и падежей, с неверным выбором вариантов многозначных слов. Догадывайся по смыслу. Остается надеяться лишь на чудо. Возможно, найдется энтузиаст и переведет полностью этого прекрасного писателя. Положительные примеры имеются, даже у нас в Омске. Полиглот Евгений Фельдман, с тонким вкусом и версификационной безупречностью, наконец-то перевел «Песни действия» Конан Дойла — впервые в стране! А ведь далеко не все знают, что создатель образа великого сыщика был еще и поэтом!

ЗОЛОТОЕ ПЕРО ЕВГЕНИЯ ТРЕЩЕВА

О творчестве писателя

Трещев Евгений Иванович — коренной житель Тульского края и всю жизнь прожил и проработал там же. Он родился 2 марта 1948 года в г. Щекино Тульской области. Евгений Иванович имеет высшее образование, является членом Союза писателей России, действительным членом Петровской Академии наук и искусств. Он почетный работник общего образования РФ, почетный учитель, почетный работник газовой промышленности РФ, ветеран газификации Тульской области и ветеран труда, почетный гражданин Чернского района Тульской области. Им издано двадцать восемь книг, в том числе первых в Тульской области муниципальных учебников «История родного края» для седьмых и восьмых классов. Печатается в журнале «Приокские зори», альманахе «Ковчег», в других журналах, альманахах, антологиях и хрестоматиях, в коллективных сборниках и газетах. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, лауреат областных литературных премий имени Л. Н. Толстого и имени А. Г. Лаврика, лауреат и дипломант многих литературных конкурсов и фестивалей. Награжден «Знаком ордена Доброты», семью правительственными медалями и восемью ведомственными знаками, многими грамотами и благодарностями. Главный редактор литературных альманахов «Приупиские просторы» и «Солова», а также краеведческого альманаха «Отчий край». Имя Евгения Ивановича внесено в энциклопедию «Лучшие люди России», в «Тульский биографический словарь. Новые имена», в сборники: «Наши знаменитые земляки» и «Лучшие учителя Щекинского края», в «Энциклопедию городов и районов Тульской области», в путеводитель «Край наш Тульский», в сборник «Дарящие тепло. ОАО «Тулаоблгаз» в судьбах и лицах».

Е. Трещев — известный меценат и краевед, с юных лет проявивший интерес к истории. Им, кроме поэтических и литературоведческих книг, муниципальных учебников, написано несколько книг по краеведению, в которых автор показывает жизнь наших древних поколений, а также отражает современность и передает собственный житейский опыт. Поэтому его книги ценны для соотечественников, в том числе и для молодежи. Их ценность заключается еще и в том, что Евгений Трещев занимает активную, бойцовскую позицию, вот строки его стихотворения: «...Поседали мы, постарели, / Отправляют нас на покой. / А душа? А душа не стареет, / Рвется к жизни: где жизнь, там бой!» (1) «Уйти в старость проще простого. А вот сохранить свежесть чувств, что и является главной мечтой ЖИЗНИ — именно жизни, а не существования, — ой как нелегко. Для этого надо иметь большой запас даже не физических, а прежде всего духовных сил, накопление которых начинается в юные годы...» (2).

Евгений Трещев не устает комментировать произведения авторов — прозаиков и поэтов — с пониманием и теплом, душевно, со всем тем, на что способна его широкая натура, абсолютно чуждая недружелюбия и критики, и, наоборот, открытая благоговению и свету. Будучи мудрым человеком, спешит делать людям добро, его работы свидетельствуют о том, что он писатель, любящий людей человек. В них живут чувства, вера и надежда на счастье, способные отзываться в сердцах читателей. «Тот, кто может сказать о... чужом рассказе, стихотворении что-то хорошее, обязательно должен это сделать. Ведь творческие люди так ранимы! Помогите, защитите их» (3). Потому писателя и привлекают, прежде всего, люди близкие ему по духу. Это можно выразить словами поэта И. Прасолова: ««Я о дружбе так сужу: / Кто открыт душою, / Значит, с теми я дружу / Дружною большою» (И. Прасолов) (4).

Отсюда и полное отсутствие зависти, мелочности и амбициозности. Вот такой этот человек — Евгений Иванович. «Я всегда рассматривал своего читателя как друга...» (5), — говорит он. Поэтому, читая любой его отзыв на прозу или поэзию, исполненный по-настоящему мастерски, реалистично и незамысловато просто, будто открываешь окно в душевный мир другого человека, с его горестями и радостями, бедами и удачами. Кроме того, он, будучи человеком гражданской направленности, глубоко-коммысленно вглядывается в окружающий его современный мир, в сегодняшнюю нашу жизнь, глубоко любит Родину и думает о ней, о смысле жизни и месте современного человека в ней. Все это в совокупности является основой его произведений.

Е. Трещев — духовный человек. Духовность многими понимается как то, что по западным канонам ведет к «благословию божьему», т.е. к преуспеянию, богатству, здоровью, счастью в любви и т.д. И только по-настоящему духовный человек понимает, что не по тем канонам путь к благословию, что даже у кромки бездонной пропасти может человеческая душа устремиться к Богу, и вместо мучения, смятения и беспокойства обрести умиротворенность, четкое осознание всего и любовь, то есть настоящее благословение, к которому по воле Божией приложится и остальное. И нужно-то для этого только смирение и признание: «Да будет воля Твоя, а не моя!» Но как далеко к этому идти большинству людей! Трещев же, отвергая тоску и злые сомнения, молясь, идет по родной земле, любит ее, учит этому других и показывает верный жизненный путь.

В своих произведениях автор и прямо, и косвенно не устает утверждать, что у человека есть единственный наиглавнейший долг — быть Человеком и главный смысл жизни — Любовь! Ибо «Где любовь — там и жизнь», — учил Махатма Ганди*. Поэтому его строки наполнены добротой ко всему сущему, ко всем, о ком он пишет.

«...Старую дружбу ценю и храню, / Прошлое в памяти нежно лелею, / В самом святом никогда не солгу, / Друга предать и продать не посмею», — пишет он в своем стихотворении (10).

Евгения Трещева волнуют нравственные вопросы жизни человека. «Конечно, не может быть абсолютной свободы от общества, но стремление личности к свободе было, есть и будет всегда» (11), — говорит он и многое делает для развития нравственной силы своих читателей. Вся его жизнь — это движение вперед, понимание, что возврата в прошлое нет, но послушание голосу совести, стремление не потерять этого чувства, не успокоенность и равнодушие закономерно отражаются в творчестве.

Следующие строки, приведенные писателем в одной из своих работ, можно со всем основанием отнести и к самому автору: «Но если в главном цель у нас — добро, / Для многих приносимое негласно, / То наша жизнь — что чистое окно: / Всегда мы можем видеть Мир прекрасным» (12). Добро... Быть добрым и добреньким — это далеко не одно и то же. Добро может быть и с кулаками... Из многих высказываний Е. Трещева ясно, что ему свойственны разумность и человечность — черты, которых так недостает многим нынешним людям.

Евгений Иванович переживает, что люди не хотят жить по законам совести и добра и полагаться на волю Божью. Ведь каждый человек оставляет след на своем пути по земле. Но и этот путь запечатлевается в душе путника, идущего им. Другими словами, мы являемся той стезей, которою шли и идем. Только у одних она прямая, а у

* Мохандас Карамчанд (Махатма) Ганди (англ. Mohandas Karamchand «Mahatma» Gandhi) (2 октября 1869, Порбандар, Гуджарат — 30 января 1948, Нью-Дели) — индийский политический и общественный деятель, один из руководителей и идеологов движения за независимость Индии от Великобритании. Его философия ненасилия (сатьяграха) оказала влияние на движения сторонников мирных перемен. Материал «Махатма Ганди» из Википедии — свободной энциклопедии.

других путанная. Однако, так или иначе, она должна привести к Богу, конечно, за редкими исключениями...

Евгений Иванович глубоко верующий православный человек: «...Вера есть у меня / Вечна наша душа» (Все еще впереди) и «...Годы жизни земной — один миг для Вселенной» (Любовь с нами) (13).

В работах Трещева, в том числе, прослеживается тяготение к раздумьям на философские и этические, нравственные и социальные темы. «Путь к истине в большинстве случаев труден. Но вера, стремление к познанию, любопытство влечет человека и дает дополнительные силы» (9), — пишет он. Ведь истина — это то, что существует порой за обманчивой действительностью, но верно отражает эту действительность, т. е. правда; то, что проверено практикой, жизненным опытом поколений.

Автор осознано каждое слово, его значение и энергию, знает, что написанное не исчезает и оставляет вечный след в душе читателя. Евгений Трещев обладает созидательным образным воображением, способностью не только задавать себе темы для размышления, но и вникать в их суть, и находить верные решения. Знакомство с его работами поднимает человека, облагораживает, делает внутренне богаче. А ведь что может быть важнее, ибо «человек способен изменять свой внешний мир посредством изменения своего внутреннего мира»*.

Писатель Евгений Трещев обладает богатым жизненным опытом, накладывающим сильный отпечаток на все, создаваемое им. В его творчестве, в каждом живом слове отражается его биография и сама его личность, душа творца, чувствуется испытанное, пережитое им, как всегда и происходит с талантливым творцом. И, тем не менее, он постоянно стремится познать новое. «Даже микроскопический кусочек новой и полезной информации вызывает у меня радость» (6), — пишет Евгений Трещев.

Однако не всякая новая информация радостна для него. Современные люди, тем более молодежь, сейчас не могут жить без телевидения и компьютера, без бессмысленной музыкальной невнятицы, живут, погруженные в гаджеты. А люди постарше — не могут жить без «мыльных» телесериалов. И всем поголовно подсознательно, на уровне двадцать пятого кадра, рекомендовано учиться на жизненных примерах нынешних «хозяев жизни» и в мировой паутине, во многом обслуживающей их интересы; учиться основному закону сильных хищников: «Нам все можно, все, желаемое нами! И не смей никому нас судить!»

Трещев Е. И. — большой труженик. Потому он так ценит это качество в других: «Постоянный, интенсивный и упорный труд всегда принесет результат. Надо работать, работать и работать» (7).

Так же много и радостно Евгений Иванович трудится сейчас на поприще писательского и поэтического труда, как ранее творчески трудился на производственной ниве. В его работах, отличающихся художественной силой, ему присущи искренность, доброта и сердечность, явно прослеживается глубина мысли, ясность изложения, логическая закономерность в раскрытии предмета его внимания, четкость и безошибочность определений. «Полнота, стройность, законченность — характерная черта произведений. ...Особая сила убедительности окрашивает эмоционально, выявляет неповторимую творческую индивидуальность» (8), — пишет Е. И. Трещев о поэзии В. Г. Сапожникова. И эти слова совершенно справедливы и в отношении к нему самому.

А картины русской природы, которые очень изобразительны в его произведени-

* Уильям Джеймс (англ. William James; 1842—1910) — американский философ и психолог. Мудрые цитаты, афоризмы и высказывания про внутренний мир, стр. 2.
http://www.wisdoms.one/tsitati_pro_vnutrenniy_mir_2.html

ях? И у других авторов Евгений Иванович отмечает их своим вниманием. Это говорит о его любви к природе, с величием которой мы, как дети, несоизмеримы, о любви к красоте, о том, что он неразделен с красотой родной земли: ее лесами и реками, полянами и лугами.

Жить бы и радоваться и самому бытию, и красотам родной природы, и духовно красивым людям, и удачной мысли, метафоре, образу. Однако наше несправедливое время не дает постоянно пребывать в таком состоянии. Вот и многие люди думали и поныне думают, что не будет больше лада и правды в обществе, чувства собственного достоинства в людях, что останутся только деградация всего и всех, беспредельное потребление и мздоимство, распутство и мерзость во всем... Но автор думает по-другому. На вопросы: будем ли мы жить в согласии со своей совестью, обретем ли утраченное достоинство, возродим ли и обновим Россию, восстановим ли ее величавый ход? — Евгений Трещев однозначно отвечает утвердительно.

Потому написанное Евгением Ивановичем весьма убедительно и полезно. Мы знаем его как очень неравнодушного, переживающего в полной мере за происходящее человека, пропускающего это сполна через свое сердце. Как верно сказал Виктор Гюго: «Перед великим умом я склоняю голову, перед великим сердцем — преклоняю колени»^{*}.

Большое место в творчестве Е. Трещева занимает тема патриотизма — «не красное», а истинное. Эта тема волнует всех прежде живших и нынешних русских писателей-патриотов, постоянно обращающихся к этой теме и любви к Отчизне. «Мой друг, Отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!»^{**} — вечные слова А. С. Пушкина. Этими чувствами преисполнено все творчество Трещева Е. И. Он испытывает гордость за Россию, независимо от периода ее истории, и славит ее, ибо у сына, даже в болезни матери, не уменьшается чувство любви к ней, а только увеличивается. О чем бы ни говорил автор в своих произведениях, чувствуется, что рядом его родная земля, отчий край, любимая мать-Родина, его Россия. Потому-то он и не приемлет «девиз»: «Там отечество, где хорошо!» Поэтому история Родины нашла широкое отражение в произведениях Евгения Трещева. Он считает, что история нашей страны — особое, неповторимое звено мировой истории, и сама Россия легендарна и уму непостижима.

Но кое-кто думает иначе. Недоброжелатели делают все, чтобы подорвать наши скрепы, прежде всего веру в Бога, в Россию, в народ, делают все, чтобы дискредитировать русских и страну, не понимая, извращают, ставят с ног на голову, пачкают. Во многом это потому, что русский человек, живущий в атмосфере своих легенд и преданий, не может радостно существовать на чуждой ему почве и трудно адаптируется к прозаической, читай, чисто материалистической жизни. Наши геополитические противники никогда не примирятся с тем, что еще в древности народ Руси своим особым нравом, терпимостью к другим народам и народностям, к их верованиям, со стремлением собирать земли и объединять народы, а не бросать их; сберегать народное богатство, а не растрачивать его; делиться с бедными, а не жадничать; уважать духовное, а не низкое; а также необъятными пространствами своей земли раздражал разного рода завоевателей. Это, с теми же и другими действующими лицами, наблюдается и в современности.

^{*} Виктор Мари́ Гюго́ (фр. Victor Marie Hugo) — французский писатель (поэт, прозаик и драматург), одна из главных фигур французского романтизма. (26.02.1802 — 22.05.1885 (83)). 198 цитат. <https://socratify.net/quotes/viktor-giugo/43945>

^{**} Пушкин А. С. Собрание сочинений: В 20 т.— М.: Художественная литература, 1947.— Т. 2. Стихотворения, 1817—1825. Лицейские стихотворения в позднейших редакциях.— С. 72. «К ЧЕДАЕВУ».

Без этих отличий не может быть России, не может быть веры в ее великое будущее, считает писатель. «Неуважение к предкам есть первый признак дикости и безнравственности. Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие»,— считал А. С. Пушкин. Писатель также думает, что без здорового национального чувства не может существовать народ. Однако, как всякий настоящий патриот он понимает, что нельзя закрывать глаза на недостатки. «В недавнее время патриотизм состоял в восхвалении всего хорошего, что есть в отечестве; ныне уже этого недостаточно, чтобы быть патриотом. Ныне к восхвалению всего хорошего прибавилось неумолимое порицание и преследование всего дурного, что есть еще у нас»*,— писал Николай Александрович Добролюбов. Это неотъемлемые составляющие патриотизма, без которого можно потерять страну, создают болеющие за Россию патриоты.

Каждый искренний патриот России, а таковым безусловно является Евгений Иванович, страдает от того, что наша страна в настоящем находится не в лучшем своем положении. Любовь к Родине, патриотизм, считает писатель, это не вспышка эмоций, а чувства, проистекающие из наших постоянных будней, а они, скажем прямо, не очень-то благоприятны. Произошло же это из того времени, когда мы переустраивались, чтобы у нас на полках в магазинах было все и еще больше. «Мечты» вершились, но, кажется, что-то упущено, что-то мы променяли на «чечевичную похлебку»**, потеряли что-то духовное, что-то «наше» продали за грош, да и купить можем далеко не все и всегда... И Трещев серьезно переживает, видя во всем упадок, разлад, расстройство, порой и полную разруху в экономике и невероятные контрасты: сверхбогатство единиц, тотальную и беспрецедентную коррупцию, с одной стороны, и нищету большинства, с другой (см. (33)).

Много негативного происходит и в нынешнем селе, когда полуразрушены дома, одичали сады и огромное количество плодородных земель заброшено и превращается в степное пространство, зарастает кустарниками, деревьями и травами, буйствует на нем в рост человека крапива с лопухами, как будто захвачено оно вражьей силой, не встречающей более отпора. Как после бомбардировки, стоят разрушенные конструкции животноводческих помещений, механических мастерских и тракторных станков. Село тихо умирает. А рядом с гибнущей деревней, гибнущими полями и лугами дичает и река, зарастают и пруды... Былое созидание и благоразумие отступили. В современной России слишком уж много всего этого, словно потеряна святость земли, и зараза расплзается по телу ее, губит людей и оставляет после себя скверну одичания. А ведь если не будет людей на земле, способных хранить заветы и предания предков, кто будет говорить на родном языке?

И Трещев Е. И. пишет: «Разве можно быть свободным, жуя кусок хлеба, произведенный в чужом государстве? Только страна, полностью обеспечивающая себя продовольствием, может быть независимой и свободной. Без своего хлеба нельзя говорить о силе и могуществе государства и его процветающем будущем» (29). Как правильно сказано Его Святейшеством Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом: «Экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, лишена устойчивости и может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей. Безнравственная экономика не эффективна, более того — нежизнеспособна и опасна» (34). Потому и больно автору за страну, которую разрушили буквально

* Семь цитат Николая Добролюбова о патриотизме, актуальных и сегодня <https://mir24.tv/news/16337267/sem-citat-nikolaya-dobrolyubova-o-patriotizme-aktualnyh-i-segodnya>

** Библия. Современный русский перевод. Книга «Бытие» — М.: Российское Библейское общество, 2017.— 2640 с. «Бытие» рассказывает, как один брат продал другому брату свое первородство за чечевичную похлебку.

на его глазах, больно за миллионы сынов и дочерей Отечества, которые отдали свои жизни за Родину. Он ощущает рану в сердце от того, что мы оказались чужими в ней, беззащитными против взяточников и «распилщиков» бюджета, против культа насилия, разрушения чувства совести и стыда, искажения понятий о добре и зле, перевиранья нашей истории, унижения русского народа, процветающих в средствах массовой информации. Чего ради растоптали свою страну, потеряли так много территорий, стали разбросанным по разным углам народом, стали терпящими бедность и поношение людьми? Почему в шестьдесят считаемся долгожителем, уменьшаемся в численности, деградируем и трудимся за малую зарплату? Ведь на виду всей Земли страдает наша страна. И что интересно: теперь, когда на Западе начинают работать механизмы социальной справедливости и государственных гарантий человека (кстати, во многом под влиянием бывшего СССР), это все кое-кому кажется бросовым, хламом, и это в лучшем случае, а в худшем — элементами тоталитаризма... Евгений Трещев делает вывод, что отказ от бесценных практических наработок прежних поколений, от морально-нравственных основ, когда, по сути, рушилась привычная жизнь путем навязывания «средствами массовой дезинформации» чуждых ценностей, является большой бедой, даже драмой, нашей страны и нашего народа. Индивидуально это воспринимается как опустошенность, ощущение несправедливости и неблагополучия. «Когда это безобразие прекратится? — Задается вопросом, как и всякий честный человек, писатель.— Другой истории у нас нет. И другого народа нет тоже. И судьбу, в конце концов, не выбирают!» (35) — восклицает он.

И Евгений Иванович спрашивает себя — неужели похоронена наша Родина, и наш народ остался круглым сиротинушкой? Неужели его доля в том, чтобы, как будто на роду написано, до скончания времен ждать свой золотой век? Дождемся ли? Однако ведь были же и другие времена, были добросовестные, самоотверженные работники, молодые и зрелые, были, кто учил заветам предков, кто воспитывал подрастающих! Неужели смерть и растворение? Для этого ли происходил весь процесс становления нашего народа и России?

И бьется сердце, как колокол, у Е. Трещева, равнодушное сердце равнодушного человека.

Он знает, почему мы выстояли в девяностые, — потому что подсознательно знали, в чем всегда было спасение наших отцов и дедов. А было оно в добывании, проливая порой обильный пот, своего насущного хлеба и в продолжении, несмотря ни на что, своего рода. Мучения были не напрасны: каждый день во тьме, голоде и холоде, каждый день бесплатного труда держались мы и, выходит, держали страну, не позволяя погибнуть. Часто мы при этом задавались вопросом: «За что это нам досталось жить в эти жуткие девяностые годы двадцатого столетия?», но ответа не находили...

Однако нам есть чем гордиться, уверен автор. Наши прародители, деды и отцы создали народ и великую державу, которая еще совсем недавно была на первых ролях на Земле. «Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира»*.

И Трещев Е. И. отвечает тем, кто поносит нашу Родину и народ: «Как же мы, «ударенные пыльным мешком», лентяи и пьяницы умудрились освоить такую огромную территорию? ...Как же мы — «слабые, неумелые, безразличные» — смогли дать по рукам всем завоевателям? ...Кто обжил эту землю, построил города, создал замечательные произведения литературы и искусства? Кто создал передовую науку и

* Бердяев Николай. Судьба России. Сборник статей (1914 — 1917). ISBN: 5-94865-448-6, 978-5-94865-448-5 (7)

запустил первый космический спутник? Разве не мы и не наши предки?» (31) Но с другой стороны дела обстоят так, что «стоит вам только заикнуться о величии русского народа, как вас тут же обвинят в национализме» (32).

Но не может быть действенного патриотизма и действенной любви к Родине, если дух не силен в человеке. Когда человек крепок духом, то его «можно убить, но не сломать душу. Мы — победители! Об этом говорит вся история нашего народа» (20), — говорит автор. Не могут быть слабы духом люди, рожденные после Великой Отечественной войны, которая показала, насколько силен и уникально жизнестоек наш народ, и получившие от своих родителей геном Победителей даже в самых что ни на есть невыносимых обстоятельствах.

Таким духом силен и Евгений Трещев. Потому и говорит: «Перепуталось все кругом ... / ... Кому верить? / Как дальше жить? / И услышал ответ вдали: / Стойким будь. Своей жизнью живи. / Правде верь и дружи с Добротой, / Наслаждайся земной Красотой. / Даже если слабый ты, / Храбро стань на защиту страны» (На перепутье) (16). И он верит, что нашу Россию ждут светлые времена. Только для этого каждому нужно раствориться в реке истинного патриотизма, обретя благодаря этому могущество и красоту, ведь обособленность ни к чему хорошему не приведет. Еще он обращает внимание читателя на то, что «нашей культуре свойственна особая форма патриотизма. У нас за многие сотни лет выработалось родственное отношение к стране» (19).

Да и как же иначе может быть, если вокруг свои родные люди — земляки! И Евгений Иванович говорит: «Я родился на этой земле: / Синь небес, шепот трав — все во мне. / Радость встречи, пожатые руки — Земляки!» (Земляки). «...На всю жизнь нам друзья / Земляки. ...» (Земляки) (17). А у таких есть антиподы — это: «Человек без рода и без племени, / Для тебя открыта вся Земля; / Корешки иссушены, изъедены, / Ты забыл, где Родина твоя (Человеку без Родины) (18).

Писатель думает: не может быть, чтобы все испытания, выпавшие на нашу долю, были напрасными, не может быть это умиранием. На это писатель категорично отвечает: — «Нет!» Может быть, это родовые муки при появлении на свет новой жизни? — спрашивает он себя и отвечает: дай бог, только не плутать во тьме, не изнемогать, не сбиться и не погибнуть в пути, дойти до своего времени. «Мы живем в эпоху перемен. Идет война за души людей. Поток изливается клевета на великую историю нашей страны, унижается наше национальное достоинство» (28). Чуткое сердце Е. Трещева переживает и мобилизуется на преодоление. При этом важно отличать критику от клеветы. Он считает, что если с критическими замечаниями выступает умный человек, то хоть и неприятно, но полезно. Ибо это «...есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм», — писал Виссарион Белинский*. Он считает, что сейчас, кроме самокритики и осознания всего позитивного, мы должны изыскивать в себе силы и способности, навыки и умения для постоянного созидания и возвеличивания России в противовес разрушению и умалению ее. А для этого очень важно сберечь и укрепить веру в Россию, сберечь и укрепить память — ее историю. Трещев Е. И. знает, что, как говорится в теории, без национального самосознания, понимания собственной уникальности и самобытности в совокупности всех духовно-нравственных и материальных форм существования не может быть народа. Сейчас России, как никогда, как воздух, требуется концепция, которая сможет цементировать народ, сделать таким же великим и крепко спаянным, каким был ранее советский народ. Главными основополагающими принципами ее должны непременно

* Виссарион Григорьевич Белинский (30 мая [11 июня] 1811, крепость Свеаборг, Великое княжество Финляндское — 26 мая [7 июня] 1848, Санкт-Петербург) — русский литературный критик. Материал «Белинский, Виссарион Григорьевич» из Википедии — свободной энциклопедии.

быть: преемственность всех благих достижений наших предшественников, сохранение и передача потомкам памяти о наших великих предках и устроителях земли Русской, непоколебимость фундаментальной цивилизационной идентичности России, незыблемость ее устоев.

Нужно созидать! Чтобы у нас и наших детей было будущее, считает автор, мы должны перестать потворствовать насаждению невежества и бескультурья, потребительства и разврата во всех их формах, а напротив — вкладываться в человека. «Для этого во главу угла должно быть поставлено развитие медицины, образования, науки, культуры, соцобеспечения, воспитание подрастающего поколения в патриотических традициях. Необходима сплоченность общества, наличие цели, понимание вызовов и задач, стоящих перед ним. Люди должны быть уверены в справедливости... На том и будем стоять!» (21).

Евгений Трещев размышляет не только о состоянии нашего государства, но и о нынешнем человеке, его месте в жизни. «...И шагает грозно по планете / Самый страшный хищник — человек!» — пишет он (Человек шагает по планете). Почему так получилось, что второстепенное поставлено на первое место? Почему потерян образ Божий? Почему оскорблена память наших отцов и дедов и разлагаются наши дети? Деньги, деньги, деньги... Они поставлены во главу угла, они стали мерилем всего. А еще, кроме корысти,— зависть, предательство, взаимная вражда, ожесточение, продажная — скрытая и открытая — любовь. В России простому человеку сейчас тяжело. Свалившаяся невесть откуда бедность, потеря достоинства в жизни на скудный заработок...

Писатель хочет, чтобы люди опомнились, ибо нельзя так жить, ведь нет счастья, когда все продается и покупается и вещи являются критерием уровня человека. Видеть цель жизни в накоплении и высоком уровне потребления — означает навсегда остаться догоняющими и обезьянничаящими, вместо того, чтобы понять, что нужно, прежде всего, о состоянии души думать, развивать и расширять сознание... В противном случае могут ли люди остаться людьми? Вот и А. А. Яшин пишет: «...пришлось догонять Запад... в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его продуктов некогда «самой читающей в мире страной»* ...«и выйти в холодящий душу мир глобализованного человекиника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где... нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: цифрофрения»**.

Потому Евгений Иванович пишет: «Я не новый русский, я из старых. / Больно мне за Родину мою: / Разорили, обокрали, оболгали, / Кучи грязи навалив на белизну». (Боль моя) (30). Он неистово обличает низкое существо самого чудовищного хищника — двуногого, потерявшего человеческий облик. Об этом же говорит и, по образному выражению автора, «летописец смутного времени» — В. Я. Маслов***.

* Алексей Яшин. «Житие наше оцифрованное: Новеллино (девятая книга рассказов Николая Андреевича): Академия российской литературы.— Москва: РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи», 2019.— 329 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). «Современная литература как салонный вид творчества», с. 7.

** Там же, с. 7.

*** Маслов Валерий Яковлевич. Родился 6 ноября 1943 года в городе Донском Тульской области. Имеет три высших образования. Член Союза писателей СССР с мая 1991 года, член Союза журналистов СССР с 1976 года. Член Союза писателей России, заместитель Председателя Правления Тульской организации СПР. Председатель Межрегионального Союза писателей, член Международного Литфонда, Заслуженный работник культуры РФ. Награжден многими государственными орденами и медалями, а также литературными медалями. Лауреат многих литературных премий. Является автором более 30 книг.

Золотой нитью пронизывает все творчество Е. Трещева любовь к русскому народу. «Русские люди никогда не будут счастливы, зная, что где-то творится несправедливость»,— говорил Шарль де Голль*. Разве можно не любить такой народ? «Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкой, умом, силою. Я знаю это по двадцатилетнему опыту. Бог дал русским особое свойство... верю, взойдет звезда Востока, откуда должен воссиять свет, ибо там (в России) больше, чем где-нибудь, хранится под пеплом духа, мощи и силы»**,— писала Екатерина II. «Мы — свободный народ, сильный своей любовью к Родине и верой»,— говорит и Е. Трещев.— «Свободный народ не желает быть побежденным, и он никогда не будет побежден» (22). Однако Трещев Е. И. знает, что народ не появился в готовом виде из ниоткуда, потому он пишет: «Из глубины веков, подернутой пеленой забвения, смотрят на нас народы, когда-то называвшие наши земли своей Родиной. Многие тысячелетия и столетия назад они обитали здесь, а потом исчезли, оставили нам свои традиции, черты лица, отдельные слова, названия рек» (23). И не все гладко было в процессе формирования народа. «В восемнадцатом веке языческие реликвии активно уничтожались по всей стране, а языческая вера была предана анафеме. Фактически был истреблен огромный пласт культуры» (24). (см. стихотворение Е. Т. «Человек шагает по планете» (25)).

Так в мастерской истории путем сложений и вычитаний формировались русские. К этому процессу вполне применимо определение, данное писателем В. Грековым: «Были — разброд, стали — народ», ставшее названием его рассказа. И мы видим три основные черты русского народа: «...Необыкновенное трудолюбие, доходящее иногда до самоистязания, любовь к родине, часто даже неосознанная умом, и талантливость» (26).

Однако через тяготы и тернии шло формирование, и поэт Евгений Трещев отражает это в своих стихах: «Кошмары рабства и позора / Враги несли нам из степи. / За гибель близких нет пощады! / На степь идут полки Руси». (В поход). «...Истории тревожные шаги. / Прислушайся — услышишь ты тогда, / Как сердце предка бьется у тебя...» (Шаги истории). «Орловско-Курская дуга. / Прошла здесь грозная война. / Смотри в пыли после дождя / Следы оставила она / ...Увидишь ты: среди раки / Окоп обрушенный стоит, / В высоких зарослях травы / Воронки старые видны». (В местах былых сражений) (27).

Преданность своему народу, защита его единства и независимости стоят на одном из главных мест в творчестве автора. «Быть русским — значит не только говорить по-русски. Нужно воспринимать свою Родину душой!» — говорит он и приводит строки поэта Ходулина, лучше которого о Родине вряд ли можно сказать: «...Нет земли ни привольней, ни краше — / И когда в ее очи смотрю: / — Как прекрасна ты, Родина наша,— Сам себе я в душе говорю...» (14). Евгений Иванович не только любит Россию, которая на планете прекраснее всех, но не может жить без нее и все делает ради ее блага. И тому свидетельство его поэтические строки: «... Земля дорогая, родная земля, / Готов пред тобой на колени склониться. / Просторы твои беззаветно любя, / За счастье твое продолжаю молиться» (Родная земля) (15). Любовь эта живет на памяти родителей и представителей старших поколений. Она присуща и молодежи, хоть и отрицающей порой многое, но в основе своей переживающей за будущее.

* Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (фр. Charles André Joseph Marie de Gaulle; 22 ноября 1890, Лилль — 9 ноября 1970, Коломбе-ле-Дёз-Эглиз, деп. Верхняя Марна) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент (1959—1969) Пятой республики. Материал «Де Голль, Шарль» из Википедии — свободной энциклопедии.

** Из записей Екатерины II Великой Императрицы Всероссийской (1729—1796).

Все это вышесказанное и послужило становлению Евгения Ивановича как писателя. Отношение к литературе и писательскому труду у него всегда было серьезным. «Можно ли научиться писать? Думаю, что если тебе не дано поэтического огня в душе, его и не появится», — размышляет писатель в работе «Ужель с годами свыкнемся с покоем?», посвященной творчеству А. А. Яшина* (44).

Он знает, что для многих грамотных людей чтение естественно в жизни и что они воспринимают в прочитанном материале и перерабатывают то, что исходит в основном из личного их опыта. И многое здесь зависит от умения автора установить диалог с читателем и активизировать его душу. Однако Е. Трещев понимает также все значение возможного откровения новизны для человека. Потому он пишет: «Слово, сказанное человеком, имело и сегодня имеет огромную созидательную и разрушительную силу. ...Этим свойством обладает и напечатанное Слово» (36). Из чего ясно, что книга обязана побудить человека к духовной жизни, а не наоборот, как это и происходит по большей части с современным «чтivism». Но в современном обществе отсутствует это понимание.

А ведь хорошее произведение — это итог долгих творческих исканий и трудов, когда все пропускается через личность, через ум и сердце автора. И тогда какое удовольствие испытывает он от удачной строки, абзаца или страницы. «...Книга — это всегда послание к читателю, в ней заложена частица жизни автора. Жизнь книги, по существу, оплачивается здоровьем и жизнью творца» (37), — говорит Трещев Е. И. Ведь целью является — увлечь, пробудить интерес читателя к произведению. И когда читаешь Евгения Трещева, чувствуешь, что то, о чем он пишет и что он пишет, не надуманно, а взято из реальной жизни, взято именно взволновавшее его душу, поселившееся в его сердце, заставляющее его учащенно биться и звучать и требующее излияния на бумагу.

«Быть писателем — мало. Нужно жить. Любить, дружить. Уметь делить с людьми чувства радости и печали, набираясь опыта, чтобы когда-нибудь изложить все это на листе бумаги» (38).

Однако прозой и публицистикой не исчерпывается творчество автора. Он еще и талантливый поэт, который, в отличие от некоторых стихотворцев, любит не только свои стихи, но и саму Поэзию. «Не любить поэзию — значит не любить, не понимать литературу вообще» (39), — пишет он. И в душе его горит поэтический огонь и стремление передать красоту жизни, которая есть не только красота природы, но и добро, и истина, и любовь. И у него это хорошо получается, так как вся красота не в ком-то, чем-то и где-то, а в том, прежде всего, кто ее находит, видит, ощущает и воспринимает.

«Многое должно пройти через сердце автора. Он многое должен пережить сам, испытать и, обладая художественным чутьем, уметь выражать свои чувства — просто, правдиво и естественно» (40), — говорит поэт. И мы читаем: «...И песня жизни на земле / Как солнцу гимн звучала!» (Затмение); «...О доме мечтал я, / Веслом шевеля. / Мне путь освещали / Любовь и мечта» (По реке). (45).

Евгений Иванович воспевает любовь к женщине и делает это особенно, как свойственно только ему одному: «...А теперь на висках седина, / Сеть морщин на лицо ложится, / Но глядишь ты светло на меня, / И любовь вокруг нас струится / ...Дни проходят, летят года, / Юность пеплом седым покрыта, / А любовь все равно жива, /

* Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, Заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР. См. также материал в Википедии «Яшин, Алексей Афанасьевич».

И душа для нее открыта» (А душа для любви открыта); «...Был я счастлив, жизнь прожив рядом с тобой, / С самой милой, ненаглядной, дорогой» (Растревожена душа); «...Ты пойми, жизнь дана для любви. / Красоту пожалей и ее береги. / Жизнь дана для любви» (Жизнь дана для любви) (41).

Его стихи искренни, интересны, насыщены жизненными реалиями, пронизаны мыслью, написаны легким, непринужденным и в то же время искусным, конкретным и безошибочным языком, способным передать мельчайшие сердечные движения, и полны воодушевлением, человеколюбивы и жизнерадостны, в них видна работа ума и сердца, соблюдено равновесие мысли и чувства. Они говорят о чувстве прекрасного у автора, преисполнены любовью к людям, к просторам центральной России — малой родины поэта, наполнены красотой природы и обычной жизни. Стихи Е. Трещева обладают силой и точностью определений, авторитетностью высказываний, основанных на сугубо личных переживаниях, способны вести за собой патристически настроенного человека, гражданина страны, ибо отражают все современные настроения и негативные стороны жизни народа. Одним словом, все они говорят о вечных категориях, о смысле всего сущего и волнуют человеческие души. Как пишет сам поэт: «...За струны трогала сердца и грела душу» (У костра) (42).

К поэтическому творчеству Трещева Е. И. вполне приложимы строки стихотворения поэта Б. М. Голованова: «...Всю жизнь рассыпал я в стихах, / Роняя их, как перья птица» (43).

Таким образом, дорогие читатели, приобщившись к искреннему и высокопрофессиональному творчеству Евгения Трещева, вы познакомитесь не только с произведениями многих прозаиков и поэтов земли Тульской, близких ему по духу, но и с душевным миром, с опытом много прожившего и много прочувствовавшего автора, с душевным миром творца, великого труженика, неповторимой индивидуальности. Вы найдете в его лице своего союзника в вере, духовности, нравственности и в великой любви к большой и малой Родине. Творчество писателя — это мощная школа патриотизма — осознание корней, опора на прошлое, преодоление всего негативного в стране и в современном человеке и светлая вера в прекрасное будущее — и высокого чувства к общему народу нашей большой страны, к единству всех народов и народностей, населяющих ее.

Успехов вам в пути по литературной стране Евгения Ивановича Трещева!

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть». — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005, — 104 с. «От реформы к революции» («Где жизнь, там бой»), с. 59.

(2) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011, — 80 с. «Влюбленный в жизнь» (А. А. Янежич). — с. 49.

(3) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 80 с. «О книгах и писателях». — с. 79.

(4) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011, — 80 с. «С любовью в сердце» (И. Н. Прасолов). — с. 20.

(5) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 88 с. «Писатель и читатель». — с. 64.

(6) Там же. «Слово». — с. 8.

(7) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 60 с. «Далекая звезда в ночи моей» (К. В. Струков). — с. 30.

(8) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 80 с. «Врач, ученый, поэт» (В. Г. Сапожников). — с. 25.

(9) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III. — Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010, — 60 с. «Наши реки текут в никуда» (В. Н. Шавырин). — с. 27.

(10) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла». — Тула: «Шар», 2000, — 152 с. «Жизнь дана для любви» («Размышления»). — с. 103.

- (11) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Писатель и читатель», с. 68.
- (12) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Не жди чудес: они вокруг!» (П. П. Юрьев).— с. 38.
- (13) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Вечность».— сс. 115 и 121.
- (14) Трещев Е. «История родного края».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 1997,— 160 с.— С. 6.
- (15) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «На родной земле» («Родная земля»).— с. 10.
- (16) Там же. «Жизнь дана для любви» («На перепутье»).— с. 86.
- (17) Там же. «На родной земле» («Земляки»).— с. 23.
- (18) Там же. «На родной земле» («Человеку без родины»).— с. 7.
- (19) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Писатель от земли» (Н. А. Смирнов), с. 39.
- (20) Евгений Трещев. «Мастера слова». Часть IV.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 104 с. «Воин и поэт» (М. А. Абрамов), с. 66.
- (21) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Путь писателя» (Д. Е. Ракитин).— с. 57.
- (22) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Историк, краевед, литературовед» (В. И. Боть).— с. 42.
- (23) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005,— 104 с. «Путешествие во времени», с. 3.
- (24) Там же, с. 4.
- (25) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Ветры войны» («Человек шагает по планете»), с. 126.
- (26) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Историк и краевед» (В. Я. Греков), с. 60.
- (27) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Ветры войны» («В поход», «Шаги истории», «В местах былых сражений»), с. 134, 138, 146.
- (28) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Путь поэта» (В. Н. Савостьянов), с. 46.
- (29) Е. И. Трещев, Д. Е. Трещев. «В поисках утраченного, 5-я часть».— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2005,— 104 с. «Путешествие во времени», с. 16.
- (30) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. («Боль моя»), с. 101.
- (31) Евгений Трещев. «Мастера слова». Часть IV.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 104 с. «Дай мне силы, чтобы в строки жизни капельку вдохнуть» (А. В. Толчий), с. 9.
- (32) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Путь поэта» (В. Н. Савостьянов), с. 47.
- (33) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «Летописец смутного времени» (В. Я. Маслов), с. 22.
- (34) Там же. «Писатель от земли» (Н. А. Смирнов), с. 38.
- (35) Там же. «Путь писателя» (Д. Е. Ракитин), с. 56.
- (36) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Слово», с. 3.
- (37) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «О книгах и писателях», с. 79.
- (38) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «Слово», с. 8.
- (39) Евгений Трещев. «Золотое перо». Часть V.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2011,— 80 с. «От автора», с. 3.
- (40) Евгений Трещев. «Личные впечатления». Часть I.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 80 с. «Музыка стихотворения» (Д. Е. Трещев), с. 52.
- (41) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. См. сс. 68, 73 и 85.
- (42) Там же. «Времена года» (У костра), с. 41.
- (43) Евгений Трещев. «Взгляд со стороны». Часть II.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 88 с. «И запела душа словно птица» (Б. М. Голованов), с. 31.
- (44) Евгений Трещев. Е. Т. «Коллеги по перу». Часть III.— Щекино: ОАО «Щекинская типография», 2010,— 60 с. «Ужель с годами свыкнемся с покоем» (А. А. Яшин).— с. 9.
- (45) Евгений Трещев. «Радуга на небе засияла».— Тула: «Шар», 2000,— 152 с. «Времена года» (Затмение), с. 34. и (По реке), с. 39.

Яков Шафран, г. Тула

КНИГА О ЛЮБВИ

I

«Роман — это зеркало, с которым идешь по большой дороге. То оно отражает лазурь небосвода, то грязные лужи и ухабы.»

Стендаль

Роман А. А. Яшина «Женщина в человејнике» именно такое зеркало. В нем отразились вещи самые разнообразные. Романтичные переживания влюбленности и пошлые истории адюльтера, социологические и философские размышления о роли женщины в современном мире и гротескные (в духе Салтыкова-Щедрина) заметки о благотворительных акциях для малоимущих в... доме терпимости, этические советы женщинам, погрузившимся в увлекательнейшую беседу на узком тротуаре, давать все-таки возможность пешеходам продвигаться по панели и житейские наблюдения за бытом маленьких и больших, полных и неполных семей. Впрочем, роман не о женщинах и не о семье.

Из книги А. А. Яшина читатель может почерпнуть ценные исторические сведения. Например, о строительстве КВЖД, о жизни офицеров-танкистов в годы войны, о послевоенном развитии наших городов и сел, о своеобразии взаимоотношений жителей советского областного центра в годы «застоя», о завихрениях «перестройки», о «лихих девяностых». Впрочем, роман не исторический.

А. А. Яшин пишет и о дне сегодняшнем, который, скорее всего, когда-нибудь тоже закавычат, придумав запоминающийся термин для обозначения наших надежд и разочарований, любви нашей и ненависти, горя и радости, одиночества и полигамии. Впрочем, роман не о современности, хотя и имеет подзаголовок «Роман одного дня».

Это, однако, не означает «нашего сегодняшнего дня». Это не означает «роман вторника» либо «роман последнего дня отпуска». А. А. Яшин написал книгу о том дне, который длится дольше века, для чего автору потребовался весь арсенал достижений современной литературы: и пастернаковский опыт, и художественные интенции Айтматова, и умение скользить по «потoku сознания», и, разумеется, собственные наработки. Для тех, кто не знает, сообщим, а другим напомним, что из-под пера создателя трех десятков книг и пяти сотен публикаций в периодике вышло уже несколько произведений, в которых крупные формы эпоса творчески переосмысливаются с позиций романиста первой четверти XXI века; эти формальные (в лучшем смысле слова) поиски, как нам представляется, чрезвычайно интересны с точки зрения методологии изучения актуальной словесности, и, возможно, ждут своего пытливого исследователя, который через них сумеет выявить своеобразие текущего момента в развитии отечественной беллетристики; мы же в данном случае об этих поисках имеем возможность именно что лишь напомнить.

II

«Идет человек, взвалив на себя это зеркало, а вы этого человека обвиняете в безнравственности! Его зеркало отражает грязь, а вы обвиняете зеркало!»

Стендаль

Сейчас модным стало различную художественную продукцию маркировать значками с возрастными ограничениями. Простампуют какую-нибудь раскраску обозна-

чением «7+», и умиротворенные родители («Нашему уже можно!») приобретают своему чаду полиграфическую продукцию (даром, что чадо тайком потягивает из отцовской пачки сигаретки).

Нам скажут, что это требование законодательства — клеймить соответствующим образом печатную продукцию. А мы ответим, что требования требованиями, однако печатники и маркетологи с условными обозначениями явно заигрались. Модно это стало, модно. И больше ничего. Иначе как объяснить маркировку «0+». Книга для месячного младенца? Для пионера? Пенсионера? Никакого смысла в подобном обозначении возраста читателя не имеется.

Но одно дело глупость как таковая (на латыни *glupost obiknovennaya*), а другое дело глупость вредная. Ведь сколько уже случаев отметила пресса, когда бдительные работники книжных магазинов не продают старшеклассникам книги с маркировкой «18+». И добро бы это было какое-нибудь бульварное чтиво, а то ведь классика! «Лолита» не доступна юношеству... Ну, допустим. А «Анна Каренина»? А «Преступление и наказание» как маркировать? Ведь роман Достоевского, если грубо и тупо проследить канву, — рассказ о студенте-убийце, поддерживающем проститутку и вводящем в заблуждение органы правопорядка. Причем рассказ-то сочувственный. Пожалуй, не лучший пример для молодежи. Не запретить ли? (Сюжетную линию, связанную со Свидригайловым, даже пересказывать не беремся, дабы записные охранители нравственности не привлекли нас к ответственности за соращение, расчленение или... За что там еще?... Был бы человек, как говорится, а статья найдется).

Но позвольте! Когда же читать глубокую литературу, как не в семнадцатилетнем возрасте? Когда же еще насытиться классикой, когда напиться взрослым и серьезным отношением к жизни, к любви, противоположному полу?

Впрочем, оставим риторические вопросы и не менее риторические восклицания и вернемся к роману А. А. Яшина. Так вот, книгу «Женщина в челоуейнике» гражданину, не достигшему восемнадцатилетнего возраста, не продадут. Т.е. буква закона издателями соблюдена, тавро на теле тома выжжено.

Но ведь и этого может оказаться недостаточно! Вполне вероятно, что найдутся ревнители морали, которые назовут «Женщину в челоуейнике» книгой безнравственной, а автора обвинят в распущенности.

«Вы обвиняете зеркало!» — воскликнем мы вслед за Стендалем. Приведите хотя бы один пример в современном мире, когда, подражая герою литературного произведения (литературного произведения, не блокбастера голливудского!), кто-либо совершил убийство. Кто-нибудь, добиваясь развода, указал причиной его прочтение «Крейцеровой сонаты»? Может быть, зафиксирован случай, когда некая девица призналась возлюбленному: «Я тебе изменила с Арменом Иосифовичем, потому что Наташа Ростова не была верна князю Андрею»?..

Не из книг научаются люди дурному. И Яшин плохому не научит. Он пытается разобраться: что происходит с обществом, с нами, с мужчинами и женщинами, в наступившем тысячелетии. И абсолютно прав романист, помещая в центр своего художественного исследования эпохи женскую фигуру. Это ведь тоже одна из традиций отечественной литературы.

Испокон веку повелось у нас, что отношением к женщине проверяется общество. Так, князя Петра помним мы по его Февронии. Державина знаем как певца Фелицы. «Луч света в темном царстве» — это Катерина. Муза Некрасова — крестьянка. Нравственную ценность революции ищет в горьковском романе «Мать» Ниловна. Солженицын заботится: как там живет-может на своем дворе Матрена? А у Распутина не старики — старухи воют в голос, прощаясь со своей (с нашей общей!) Матерой.

В романе «Женщина в челоуейнике» идет серьезный разговор о жизни, в которой чувственная сторона мало сказать присутствует — во многом определяет бытие от-

дельного человека, да и всего рода человеческого. И автор романа чувственную сторону бытия, мягко говоря, не игнорирует. А кто бы, задавшись целью написать книгу о женщине, не сказал бы о ее плотской красоте и манкости?! Хотя... В современном мире, пожалуй, следует сформулировать иначе: а какой настоящий мужчина, задавшись целью рассказать о женщине в современном мире, не упомянул бы о волшебстве ее волос, о магии ее взгляда, о притягательности ее форм?

За это Яшину спасибо следует сказать, а не порицать его. Впрочем, повторимся: уверены, что найдутся желающие поймать «хайп» на выходе новой книги и обвинить маститого автора в сексизме, гендерном шовинизме и в чем-нибудь еще из модного нынче наборчика «Юный толераст».

Не удивимся, если объявится дама предпенсионного возраста, которая обвинит писателя и ученого Яшина в харассменте полувекковой давности... Но нет, довольно! И так уже много употребили мы отвратительных слов, которые, к сожалению, грязной пеной болтаются ныне на зыби моря русской речи: хайп, гендерный, предпенсионный... Даже как средство сатиры «харассмент» это уже перебор. Отправим по известному адресу все эти словечки вместе с теми, кто попкой-дураком повторяет их, не дав себе труда найти в родном языке выразительных средств.

Вернемся к писателю Яшину. Ему удалось нужные слова подобрать. Взвзвись за откровенную, как раньше говаривали, тему, писателю удалось избежать как пошлости, так и деланой брутальности, удалось не скатиться в слюнявое сюсюканье, удалось избежать соблазна привлечь читателя, поманив его «клубничкой».

Скажите, а много ли сейчас найдется авторов, которые, приглашая читателя заглянуть в альков, не приглашают его при этом «полакомиться насчет клубнички»?

Ну, вот! Вы хором ответили: «Мало». Оттого-то и заводятся в нашем языке, подобно опарышам, «хайпы» с «харассментом», что мало желающих и имеющих возможность (в этом случае мы бы даже сказали так: имеющих потенцию) вести серьезный и прямой разговор об отношениях мужчины и женщины, не обходя молчанием, но и не вырывая из общего контекста телесную сторону их отношений.

И не забудьте при этом, что и о тех, кто такую потенцию имеет, подрастающее поколение не узнает: модная татуха «18+» стоит на обложке книги. Поэтому серьезного и прямого разговора с нашей молодежью об интимной стороне жизни (разговора, в равной степени нужного как парням, так и барышням) опять не получится. И узнает наше юношество о том, что называется «тайной двоих», либо от гопников из соседней подворотни, либо от все тех же толерастов, которые, воровато оглядываясь, с подозрительной щедростью раздадут молодым людям упомянутые наборчики псевдонаучных, псевдосовременных, псевдолиберальных клише.

Поэтому повторим: писателю Яшину следует сказать спасибо уже за то, что он взвалил на себя зеркало своего романа и тащит его по ухабистой дороге нашей современности.

III

«Обвиняйте уж скорее большую дорогу с ее лужами, а еще того лучше — дорожного смотрителя, который допускает, чтобы на дороге стояли лужи и скапливалась грязь».

Стендаль

И вот теперь есть смысл вернуться к вопросу, с которого начали: «О чем же новая книга Яшина?»

Не пытаясь дезавуировать основные послышки, изложенные в первой части настоящей статьи, завершив чтение романа, мы все-таки скажем, что он о любви.

Сюжет произведения развивается, если позволительно использовать это слово, нелинейно. Читатель стремительно переносится из одного временного пласта в другой, с легкостью перемещается между внезапно возникающими в повествовании географическими пунктами. Абсолютно разные друг другу персонажи вдруг оказываются чуть ли не вершителями судьбы кого-то из действующих лиц. Взаимосвязь биографий героев столь изощрена, что ее можно сравнить с сетью, в которой бьется рыбацкая добыча. Порой стоит отложить книгу в сторону, чтобы припомнить, кто кому кем приходится и о ком шла речь в предыдущих частях.

А когда восстановишь в памяти продуманные автором хитросплетения сюжетных линий, вдруг начинаешь понимать, что дело вовсе не в фабуле, не в интриге, не в последовательности событий. Дело в чувствах. Дело в том, что автор любит своих персонажей.

Яшин искренне любит всех этих людей, так трудно живущих в своем небогатом, неказистом, невзрачном Тулуповске; живущих подчас, так сказать, назло врагам, на радость маме; а подчас, кажется, даже и себе самим назло. Живущих, поскольку это и есть дело человека на Земле — жить. Яшин же любит людей. Любит пьяных и трезвых, больных и здоровых, как говорится в ехидном народном присловье. Любит любых, потому что это — его люди. Наши люди. Свои.

А вслед за писателем и мы, читатели, принимаем и почитаем за своих его персонажей. Несчастливого бригадира Ле Хувя. Не вышедшего в генералы Егора Фомича. Ищущую счастья Лизу. Стервозную Светлану. Безнадёжно влюбленного в Светлану узбека-дворника. Разбившего сдуру да спяну свою машину полубандита...

Много их, неказистых, но свойских персонажей, на страницах густонаселенного романа А. Яшина. Персонажей сквозных и эпизодических, персонажей главных и второстепенных. Про них не скажешь: «Хорошие» либо: «Плохие». Так же, как сам себя затруднишься однозначно отнести к положительным или отрицательным. Ибо сложны люди. И жизнь их сложна. И нимб ни над кем не светится. Как, впрочем, и рога из черепа ни у кого не торчат.

И вот, казалось бы, простой секрет писателя — любить своих героев. Простой, но далеко не каждому доступный. Ибо сложно это — полюбить людей. Несовершенных. Порой срывающихся и падающих. Порой подличающих. Порой глуповатых. Порой некрасивых. Чтобы их полюбить, надо иметь и мудрость, и сострадание, и снисходительность. Безразличия только нельзя иметь писателю в душе, поскольку безразличный к людям литератор (даже небесталанный) превращается в холодного стилиста, отстраненного демонстратора мастерства. Это в лучшем случае. В худшем же вырождается в желчного мизантропа, в заносчивого ментора.

А писатель Яшин не таков. Он честен с читателем. Поэтому, как высказано выше, несправедливо обвинять его в безнравственности. Да и того (см. эпиграф), по чьему недогляду на нашем жизненном пути скапливается грязь и стоят лужи, Яшин тоже не обвиняет. Никаких фиг в кармане. Это уж мы, читатели, вольны делать выводы о том, кто превращает нашу российскую дорогу в символ безнадёги и есть ли надежда переломить печальную многовековую тенденцию.

Автор же «Женщины в человечнике» прямо говорит нам: неча не зеркало пенять. От ухабов никуда не деться, да не всякий в них попадет. А попав, не всякий в них разляжется, сладострастно упиваясь собственными неудачами. От дорожной грязи не спастись, да не любой изгваздается, как черт, ковыляя по нелегкому жизненному пути. И измазавшись, не любой побредет вперед неумытой чужкой.

Будем же помнить о личной ответственности каждого из нас за свою судьбу. За судьбу своей женщины. За судьбу своего человечника.

*Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт*